

Мира Аллен

СЧИТАЙ ДО ДЕСЯТИ

УДК 82-3
ББК 84-4
А50

А50 **Аллен М.**
Считай до десяти / Мира Аллен – М.: Литнет, 2026. – 184 с.

ISBN 978-5-521-99100-6

— Спорим, она влюбится в меня за десять дней?
— А если нет?
— Значит, я проиграю. Впервые.

Ли́ка — отличница, для которой эмоции всегда идут в скобках, после целей, планов и сданных экзаменов. Макси́м — новый ученик, у которого за широкой улыбкой прячется больше одиночества, чем кто-то догадывается.

Когда он заключает с друзьями безобидное пари: заставить «ледяную королеву» влюбиться в себя за десять дней, никто не ожидает, чем всё обернётся. Потому что она не просто цель. А он не просто сердцеед.

На счёт «раз» — они терпеть друг друга не могут.
На «три» — начинают спорить о книгах, о мечтах и о доверии.
На «пять» — его пальцы касаются её руки, и она замирает.
На «семь» — всё выходит из-под контроля.
На «десять» — правда всплывает. И может разрушить всё.

Но что, если любовь не то, что можно выиграть или проиграть? Что, если любовь это то, на что нужно решиться?

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99100-6

© Литнет, 2026
© М. Аллен, 2026

Пролог

Он стоял под проливным дождём, не двигаясь, будто сам не знал, зачем пришёл, и что именно хотел сказать, но понимал, что, если не скажет – потеряет навсегда.

Вокруг давно стихли звуки – ни голосов, ни шагов, ни даже ветра, только редкое шуршание воды по асфальту напоминало, что мир всё ещё двигался, в отличие от нас, застывших в этой точке, где всё было либо слишком поздно, либо ещё возможно.

Я смотрела на него, молча, пытаюсь понять, почему сердце всё ещё билось слишком быстро, хотя разум давно поставил точку, и почему дрожь внутри становилась всё сильнее именно в тот момент, когда, казалось бы, уже не осталось ни иллюзий, ни сомнений.

– Я просчитался, – произнёс он, наконец, почти беззвучно, но так, что каждое слово будто проникало сквозь кожу, потому что в них не было больше игры, не было даже попытки оправдаться, только чистая, сдержанная правда, которую он, возможно, хранил все эти дни.

Он медленно поднял взгляд, словно искал во мне то, что сам давно потерял, и, выдохнув, добавил:

– Я думал, что всё получится, как всегда. Надеялся, что справлюсь. Ты показалась мне удобной мишенью, тихой, холодной, предсказуемой. И я хотел победить. Просто ради спора.

Он шагнул ближе, не дожидаясь разрешения, и голос его зазвучал чуть тише, но твёрже:

– Но ты оказалась тем, о ком не забывают. Не потому, что ты другая, а потому что с тобой не хочется притворяться.

Я молчала, не потому что не знала, что сказать, а потому что любые слова в тот момент казались пустыми, недостаточными, неуместными рядом с тем, что происходило внутри – с этим странным, тёплым, пугающим ощущением, которое я не могла и не хотела отрицать.

Я слишком долго жила по правилам, где всё было под контролем, где ни один шаг не совершался без расчёта, и где любовь, если она вообще существовала, была не более чем лишним отвлечением от цели, но сейчас впервые поняла, что есть вещи, которых нельзя спрогнозировать, нельзя вписать в график или вычеркнуть из головы.

– Считай, – прошептала я, чувствуя, как дыхание перехватило прежде, чем я смогла закончить мысль.

Он не понял.

– Что?

Я подошла ближе, настолько, чтобы видеть, как у него дрожат пальцы, и как во взгляде появляется осторожная, затаённая надежда.

– Считай... – повторила я, стараясь не дать голосу сорваться. – До одного.

И, не давая себе времени подумать, прижалась губами к его, зная, что если бы не сделала этого сейчас, то не сделала бы никогда.

Новый ученик, старая ненависть

Утро началось ровно в 6:45 – как всегда. Будильник, запрограммированный заранее и на всякий случай, продублированный на телефоне, прозвенел с такой пунктуальностью, будто тоже знал: у меня нет права на сбой. Я сразу села на кровати, чтобы не дать себе даже намёка на повторный «пять минут». Проверено: стоит дать слабину – и потом в панике придётся выбирать между нормальной причёской и завтраком. Я выбрала завтрак. Как всегда.

На кухне было прохладно. Серые плитки под ногами холодили ступни сквозь тонкие носки, чайник шумел лениво, а в воздухе висел запах поджаренного хлеба и яблочного освежителя, который мама ставила в розетку. Всё было как обычно: ровно два тоста, йогурт без добавок, зелёный чай с долькой лимона – без сахара. Я поставила кружку на подставку и села за стол, где рядом с тарелкой уже лежал мой учебник по алгебре, раскрытый на нужной странице.

Я ела и читала. Проглатывала и подчёркивала. Мысленно повторяла формулы, списки заданий и прикидывала, сколько времени займёт дорога до школы, если автобус опять будет ползти как улитка. Параллельно вспоминала, что нужно вернуть книгу в библиотеку, написать заявку на олимпиаду по литературе и, возможно, напомнить Насте, чтобы не забыла шоколадку в рюкзаке. Хотя нет, шоколадку беру я – она просила.

Мама, как всегда, уже ушла. У неё утренние смены, и чаще всего я просыпалась в пустой квартире. Обычно на столе меня ждала записка: список продуктов, напоминание о контрольной и что-то вроде «не забудь поесть». Сегодня записки не было. Пустое место. И хотя это казалось мелочью, внутри на мгновение что-то неприятно сжалось – слишком резко, чтобы просто проигнорировать.

Я постаралась не заикливаться. Всё шло по плану. Я оделась: простая светлая рубашка, тёплый серый кардиган, джинсы без дырок

и логотипов. Волосы убрала в хвост, как всегда – аккуратно, плотно, ни одной выбившейся пряди. Проверила рюкзак: тетради, пенал, два набора стикеров (цветовой код обязателен), блокнот, цитатная ручка, шоколадка для Насти. Всё на месте.

Собиралась уже надеть куртку и выйти, когда телефон коротко завибрировал. Я разблокировала экран и увидела сообщение от Насти:

«Всё, готовься. У нас новенький. Говорят, он опасный – из тех, кто ломает дисциплину, сердца и мебель. Вижу тебя через пять. Не прячься, перфекционизм не спасёт».

Я фыркнула. Положила телефон экраном вниз, но внутри вдруг стало тревожно – будто кто-то аккуратно подвинул рамку моего утреннего порядка, не спросив разрешения. Я глубоко вдохнула. Потом ещё раз. Медленно выдохнула. Раз, два, три. Так легче сосредоточиться.

Я открыла дверь, привычным движением закинув рюкзак за плечо, и вышла в утро, которое, несмотря на всю свою обычность, пахло чем-то новым. И чуть-чуть опасным. Как будто день только начинался, но уже собирался меня удивить.

У подъезда, как и обещала, уже стояла Настя. Она подпрыгивала на месте, как будто пыталась согреться, хотя была закутана в свой безумный розовый шарф с котиками. Волосы, тоже окрашенные в какой-то оттенок клубничного варенья, торчали из-под капюшона во все стороны, а на рюкзаке болтались два брелка в виде сердечек, которые постоянно звенели, как сигнал, что приближается ураган.

– Ты как всегда пунктуальна, как школьный звонок, – сказала она, едва я подошла, и сунула мне в руки термос. – Вот. Имбирный чай. Для разморозки твоей душевной строгости.

– Моя душевная строгость не нуждается в разморозке, – буркнула я, но взяла. Термос был тёплым, руки обхватили его с благодарностью.

– Ещё как нуждается. Ты вечно ходишь с видом, будто каждый

эмоциональный всплеск – это угроза твоему расписанию. Хотя, если честно, ты сама как всплеск – только тщательно запакованный.

Я закатила глаза, но не ответила. Мы двинулись в сторону школы, и наши шаги зазвучали в унисон – мой ровный, почти выверенный, её – резкий, рваный, с периодическими подпрыгиваниями через лужи, которые она называла «естественными испытаниями дороги».

– Так что за новенький? – спросила я, делая вид, что просто поддерживаю разговор, хотя, на самом деле, этот вопрос сидел в голове с того самого момента, как я увидела её сообщение.

– Макс Артёмьев. Перевёлся из какой-то школы с запутанной историей. Говорят, что был там в каком-то списке «трудных», но с мозгами у него всё в порядке. Или, по крайней мере, так сказал завуч, когда намекнул, что «этот молодой человек способен, но конфликтен».

– Замечательно, – сухо отозвалась я. – Значит, нам завезли очередного героя драмы.

– Ага. И по слухам, он красивый. Не просто симпатичный, а прямо опасно красивый. С прищуром, знаешь, как в дорамах. Тёмные волосы, наглая улыбка, глаза, будто он тебя давно видел во сне, но не признаётся.

– Ты слишком много смотришь сериалы, – заметила я, но всё равно представила это лицо. И внутри, к сожалению, что-то дрогнуло.

Настя хмыкнула, обогнала меня на пару шагов и повернулась лицом, идя спиной вперёд – её фирменный трюк, из-за которого она вечно рисковала врезаться в фонарь.

– Просто предупреждаю. Если он сядет с тобой за парту и у тебя начнётся учебная романтическая эпопея с переписками, тайными взглядами и драмой в актовом зале – я первая напишу об этом фанфик.

– Если он сядет со мной за парту, – спокойно проговорила я, – я попрошу пересадку. Или включу наушники и сделаю вид, что его не существует. Это тоже рабочая стратегия.

Поворот к школе уже был виден – толпа одноклассников, распах-

нутые двери, дежурные у входа и первые крики изнутри. Я сжала ремешок рюкзака чуть крепче и мысленно включила «режим концентрации».

День должен был пройти спокойно. Уроки, контрольная, библиотека. По крайней мере, так я думала.

В классе, как всегда перед первым уроком, стоял шум: стулья скрипели, кто-то догрызал булочку, кто-то отчаянно дописывал домашку, а кто-то просто болтал – громко, быстро, с перебиваниями и подслушиваниями. Воздух был густой от чужих слов, запаха мела, сладкого парфюма и утреннего волнения.

Я заняла своё место у окна, достала тетрадь, ручку и конспект, намеренно отворачиваясь от гудящей толпы – мне не нужно было слышать, о чём они говорят. Но, как назло, в этот день избежать сплетен оказалось невозможно.

– Он реально откуда-то из Питера, – шептала Яна, увешанная браслетами, которые позвякивали при каждом движении. – Или из Москвы? Или из какой-то гимназии, где были потасовки. Короче, у него там были проблемы.

– Ага, проблемы с дисциплиной и с девушками, – вставил Витя, севший на парту, как обычно. – У него была старшеклассница. Или училка. Ну, ты поняла.

– И он кого-то побил, – прошипела Лера, делая страшные глаза. – Или сам получил. Короче, он опасный.

– Мне кажется, он просто красивый, – тихо сказала Ксюша, краснея. – Настолько, что это уже нарушение правил школы.

– Нарушение моего сердечного ритма, – театрально простонала Настя мне в ухо, шлёпнувшись на соседний стул. – Я его видела в коридоре. Он идёт, и все расступаются. Как ледокол. Или... нет, ты просила без сравнений.

– Спасибо, – ответила я, не отрывая взгляда от строчки с формулой, но внутрь уже проникала настойчивая волна раздражённого интереса.

Я не любила слухи. Они всегда разрастались, как плесень: быстро, липко, шумно. И почти никогда не имели ничего общего с реальностью. Но весь класс, включая тех, кто обычно вообще ни во что не вникал, явно ждал его появления с коллективным нервным напряжением.

И, как по команде, дверь отворилась.

Сначала вошла Виктория Аркадьевна – наша классная, с привычным блокнотом и чашкой кофе в термостакане. Она коротко кивнула, поправила очки на носу и сказала то, что все уже ждали:

– У нас новенький. Временный, но, как вы знаете, временное бывает очень надолго.

Следом за ней в класс вошёл он.

И класс замолчал. Почти синхронно.

Макс Артёмьев. Высокий. Тёмные волосы растрепаны, как будто он нарочно не смотрелся в зеркало. Куртка не застёгнута, рюкзак висит на одном плече. Взгляд прямой. Лицо не напряжённое, но будто немного скучающее, как у человека, который уже видел всё это прежде и не ждал от ситуации ничего нового.

И всё же в нём было что-то... громкое. Непривычное. Не в голосе – он пока молчал, не в движениях – он просто стоял, но в самом его присутствии было ощущение, что с ним всегда заходит что-то, чего в этом кабинете ещё не было.

– Макс, – коротко представила его учительница. – Садись туда, – она махнула рукой куда-то в мой угол. – Рядом с Ликой. У неё всегда порядок, может, и тебе немного передастся.

Тон был почти доброжелательным, но меня кольнуло. Я медленно подняла глаза и встретила с его взглядом.

Он не улыбнулся. Просто посмотрел.

Он подошёл к парте, опустил на стул рядом, не говоря ни слова, и достал тетрадь с каким-то чужим рисунком на обложке, будто он случайно захватил блокнот младшей сестры. Рядом запахло дождём и чем-то хвойным. Или, может, просто свежим.

– Привет, – сказал он негромко, не глядя.

– Ты можешь не здороваться, если не собираешься разговаривать, – ответила я, не поднимая глаз.

Он усмехнулся, едва слышно. И только тогда, на мгновение, я всё-таки посмотрела на него. И внутри что-то сдвинулось – не сильно, не резко, но достаточно, чтобы я это заметила.

Урок шёл. Я сосредоточенно конспектировала, подчёркивала важное, расставляла маркеры и мысленно рассчитывала, сколько времени останется на повторение к контрольной. Макс сидел рядом тихо, но не в том смысле, как человек, который просто не мешает. Он был спокойным шумом: ритмично щёлкал ручкой, наклонялся ближе, чем позволительно, и, кажется, проверял, сколько нужно движения, чтобы вывести меня из себя.

Когда он в третий раз постучал карандашом по моей тетради, я подняла на него взгляд.

– У тебя с моторикой всё в порядке? Или это такая новая форма самовыражения? – спросила я, не меняя тона.

– Я просто проверяю, насколько ты сосредоточена. А ты впечатляюще упряма, – ответил он почти шёпотом, и его губы едва заметно дёрнулись в усмешке.

– Ты путаешь упрямство с дисциплиной. Это разные вещи.

– Разве? – Он подался вперёд, будто делись секретом. – Иногда это просто две стороны одной и той же стены.

Я глубоко вдохнула и снова вернулась к тетради. Но через минуту он заговорил снова – уже вслух, не шёпотом, и, конечно же, в момент, когда учительница как раз объясняла новую тему.

– Лица, а ты всегда так серьёзно относишься к жизни, или только на людях?

– Артёмьев, у тебя есть вопрос по теме? – подняла голову Виктория Аркадьевна, глядя поверх очков.

– Вопрос скорее риторический, – пожал он плечами. – Просто интересно, как можно быть настолько железобетонной. У неё даже подчеркивания в тетради под линейку.